

УДК 347.4 (470+571)
ББК 67.99 (2Рос) 404.2

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Минеев Олег Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, базовая кафедра ЮНЦ РАН
oleg_min@mail.ru, gimchp@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются специфические черты деликтных обязательств гражданского права Российской Федерации. Проводится анализ норм гражданского права Российской Федерации в части исследования института обязательства вследствие причинения вреда, автор на основании аргументации предлагает подвергнуть редакции ст. 1082 ГК РФ, что будет способствовать скорейшему разрешению гражданских споров, связанных с возмещением ущерба при возникновении деликтных обязательств. На основании проводимого в статье анализа делается вывод о том, что обязательства вследствие причинения вреда обладают специфическими признаками, при этом автор отмечает, что исполнение, изменение и прекращение обязательства вследствие причинения вреда подчиняется общим правилам, за исключениями, обусловленными спецификой правоотношений по возмещению вреда.

Ключевые слова: гражданское законодательство, гражданские правоотношения, деликтные обязательства, кондикционное обязательство, принцип реального исполнения обязательства, перемена лиц в обязательстве, уступка права требования.

Обязательства вследствие причинения вреда возникают на основании указанных в законе юридических фактов и преимущественно независимо от воли их участников. Воля причинителя вреда, при причинении вреда умышленными действиями, направлена на причинение вреда, а не на возникновение обязательства. Чаще всего неправомерные действия являются причиной возникновения обязательств вследствие причинения вреда, но правомерные действия также могут являться основанием их возникновения.

Обязательства вследствие причинения вреда принято относить к охранительным обязательствам. Деление правоотношений в гражданском праве на регулятивные и охранительные в цивилистической литературе является традиционным.

С точки зрения сторонников данной классификации гражданских правоотноше-

ний, охранительные обязательства обеспечивают права и интересы субъектов гражданских правоотношений от всевозможных нарушений. Охранительные обязательства стоят на позициях защиты прав и интересов субъектов, когда нарушение уже произошло, в то время как регулятивные правоотношения регулируют имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения в их нормальном состоянии. Охранительное правоотношение есть то новое единство, в которое переходит нарушенное регулятивное, при этом последнее либо уничтожается вообще, либо временно нейтрализуется.

Деление правоотношений на регулятивные и охранительные в определенной мере является условностью, так как право оказывает регулятивное воздействие на общественные отношения, как на стадии нормального

их развития, так и в случае нарушения. Вышесказанное подтверждается и тем, что охранительное правоотношение является формой существования нарушенного регулятивного правоотношения, то есть охранительное правоотношение является стадией регулятивного правоотношения.

Обеспечение субъективного права возможностью государственного принуждения является неотъемлемым его качеством, такая возможность существует не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственная им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями.

Исполнение обязанности, опосредованное государственным принуждением, как справедливо полагает С.Н. Братусь, «ничего не убавляет и не прибавляет к содержанию обязанности» [1, с. 73–74].

Обязательство вследствие причинения вреда нацелено на ликвидацию негативных последствий имущественного и неимущественного характера, на восстановление имущественных интересов субъекта путем полного возмещения вреда. На наш взгляд, тезис о существовании особых восстановительных правоотношений (к которым, несомненно, можно отнести обязательство вследствие причинения вреда) достоин положительной оценки.

Выяснение преследуемой цели во всех обязательственных правоотношениях имеет достаточно важное значение. Целью восстановительных правоотношений является реставрация имущественного или личного неимущественного состояния лица, понесшего ущерб. В связи с этим можно определить восстановительное правоотношение как связь управомоченного и обязанного лица, которая направлена на восстановление субъективных гражданских прав как с применением мер принуждения, так и без таковых. Правоотношения восстановительного характера связаны с притязанием, вытекающим из нарушения субъективного права другого лица, и направлены на его восстановление.

Отнесение обязательства вследствие причинения вреда к односторонним обязательствам большинством авторов нельзя не признать правильным, но с одной оговоркой. Речь идет о соглашении сторон, при котором причиненный

вред возмещается в натуре, например предоставлением вещи того же рода и качества (ст. 1082 ГК РФ), у потерпевшего возникает обязанность передать поврежденное имущество должнику, таким образом появляется обязательственное отношение, где потерпевший выступает в качестве должника, а причинитель – в качестве кредитора. Таким образом, обязательства вследствие причинения вреда не всегда, но в большинстве случаев являются односторонними обязательствами, то есть в них участвует имеющий обязанности – должник – и наделенный правами требования – кредитор.

В связи с тем что стороны в обязательстве вследствие причинения вреда, как правило, связаны одним правом и одной обязанностью (требовать возмещения вреда в полном объеме и соответственно возместить причиненный вред), то такое обязательство следует считать простым.

Не ставя под сомнение тот факт, что обязательство вследствие причинения вреда является гражданско-правовым, обладающим всеми вышеуказанными признаками, необходимо подвергнуть анализу возможность применения общих постулатов обязательственного права об исполнении и прекращении обязательств к данным обязательствам.

Для того чтобы уяснить и выявить отличие любого сложного явления, необходимо провести его сравнительный анализ со смежными категориями.

Несомненно, существуют определенные трудности при разграничении обязательств вследствие причинения вреда от иных внедоговорных обязательств, к примеру возникающих из неосновательного обогащения (кондикционных). На практике при рассмотрении исков о возмещении вреда зачастую применяются нормы, регулирующие возврат неосновательно приобретенного или сбереженного имущества, и наоборот. Это можно объяснить тем, что традиционно оба вида обязательств относят к числу внедоговорных, которые характеризуются своей компенсационной направленностью.

В юридической литературе проблема разграничения рассматриваемых нами обязательств достаточно освещена, тем не менее определенного критерия разграничения обязательств, возникающих из неосновательного

обогащения, с одной стороны, и вследствие причинения вреда – с другой, авторами предложено так и не было. Думается, причина состоит в том, что для решения данной проблемы надо учитывать все признаки обоих обязательств.

Попробуем провести разграничение вышеупомянутых обязательств. Во-первых, кондикционные обязательства и обязательства вследствие причинения вреда отличаются тем, что первые могут возникать при наличии различных юридических фактов (как правомерных, так и противоправных действий), а основой возникновения вторых является преимущественно правонарушение.

Во-вторых, обязательство вследствие причинения вреда возникает в результате нарушенных абсолютных прав, кондикционное также имеет место при нарушении обязательственных прав. Тем не менее если цель обязательства вследствие причинения вреда заключается в восстановлении нарушенного имущественного права потерпевшего за счет того, кто его причинил, то цель кондикционных обязательств – изъятие у приобретателя имущества, полученного за счет другого лица без достаточных на то правовых оснований. Принцип наличия или отсутствия на стороне нарушителя права имущественной выгоды является критерием разграничения данных обязательств.

В-третьих, различия между данными обязательствами заключаются в установлении обязанного субъекта, возможности учета вины потерпевшего, способа возмещения вреда.

Однако во многих случаях есть основания полагать, что обязательство может быть отнесено как к кондикционному, так и к деликтному, в связи с чем при наличии оснований для инициирования того или иного требования право выбора остается за потерпевшим лицом. При этом не исключается вероятность соединения требований о возврате неосновательно приобретенного имущества и о возмещении вреда, нанесенного в результате порчи имущества. Таким образом, в том случае если суд удовлетворит требование о возмещении вреда, взяв за основу нормы, регулирующие один вид обязательств, то оба иска – и деликтный, и кондикционный – являются взаимоисключающими. Ну а если возмещение убытков будет происходить частично на основе норм,

регулирующих кондикционные обязательства, и частично на основе норм о деликтах, тогда эти требования не будут исключать друг друга.

Поведение должника и кредитора регламентируется обязательством, соответственно осуществление данного поведения является не чем иным, как исполнением обязательств.

Принцип реального исполнения обязательства неоспоримо действует в отношении обязательств вследствие причинения вреда. Этот принцип понимается нами не только в узком смысле как исполнение обязательства «в натуре», но и как совершение действий, которые обусловлены характером обязательства.

Нельзя не отметить специфичность принципа реального исполнения в сфере обязательств вследствие причинения вреда.

Как свидетельствует ст. 1082 ГК РФ, реализация обязательства вследствие причинения вреда «в натуре» является не единственной формой возмещения вреда, в связи с чем нельзя однозначно утверждать, что причиненные убытки необходимо взыскивать только в том случае, когда не существует возможности их реального исполнения. Суду предоставлен выбор способа исполнения обязательства, но, как свидетельствует литература 70–80-х гг. прошлого столетия, авторы того времени предлагали предоставить право выбора способа исполнения потерпевшему, преследуя цели эффективной охраны его интересов.

В соответствии с нормой гражданского права (п. 2 ст. 1 ГК РФ) граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Исходя из этого право суда в вопросе избрания способа исполнения обязательства вследствие причинения вреда идет вразрез с общими принципами не только гражданского права, но также арбитражного и гражданского процессуального процесса.

На основании вышеизложенного нам видится, что ст. 1082 ГК РФ должна подвергнуться редакции и иметь следующее содержание: «Удовлетворяя требование о возмещении вреда, причиненного имуществу, суд вправе по требованию потерпевшего обязать лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь

и т. п.) или в денежной форме». В данной статье уточнение характера нарушенного блага нужно потому, что в ст. 1092 ГК РФ речь идет о форме возмещения вреда жизни и здоровью, а в п. 1 ст. 1101 ГК РФ – морального вреда.

Удовлетворяя требование о форме возмещения вреда, суд обязан действовать, учитывая конкретные обстоятельства дела, принимать решение исходя из целесообразности и эффективности способа возмещения в каждом конкретном деле.

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, по мнению большинства ученых, вытекают из закона, в связи с чем они не могут быть подвергнуты в договорном порядке каким-то изменениям. Однако необходимо признать, что в действующем законодательстве в последнее время наблюдается тенденция смягчения строгих императивных начал в области правового регулирования охранительных обязательств.

В этой связи необходимо отметить, что в гл. 59 ГК РФ содержатся нормы, которые допускают возможность определения размера возмещения на договорных началах, по соглашению сторон (п. 1 ст. 1064; ст. 1084; п. 3 ст. 1085 ГК РФ). Участники гражданских правоотношений имеют возможность согласно принципу диспозитивности по своему усмотрению и исходя из собственных интересов выбирать вариант поведения. В связи с чем самостоятельность в осуществлении и защите гражданских прав, в рамках закона, конечно, дает возможность не только изменить размер возмещения вреда в большую сторону, но и влияет на условия исполнения обязательства вследствие причинения вреда.

В связи с рассматриваемой проблемой вызывает интерес вопрос, связанный с возможностью изменения по линии субъектов обязательственного правоотношения по возмещению вреда. Изменение субъектного состава в результате перехода прав требования возмещения вреда в рамках уступки права требования признается лишь некоторыми авторами. В то же время четкого ответа на данный вопрос не дают ни законодатели, ни судебная практика.

В соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ кредитор может передать право, принадлежащее ему на основании обязательства, другому лицу. Глава 24 ГК РФ «Перемена лиц в обяза-

тельстве» содержит правила об уступке права требования и переводе долга. Из этого следует, что гражданское законодательство не видит между переменной лиц в договорных и внедоговорных обязательствах каких-либо различий, значит, к изменению сторон способны все обязательства.

Восстановление имущественного положения потерпевшего является основной целью обязательства вследствие причинения вреда. Потерпевшему абсолютно безразлично, кто именно ему возместит понесенные им убытки, должника, как правило, фигура кредитора также не интересует, ему неважно, в чью пользу будет производиться отчуждение его имущества. Не играет первостепенной роли для кредитора также наказание правонарушителя, потому что для него важнее всего восстановление своих имущественных потерь, неважно, за чей счет оно произойдет.

Уступка права требования возмещения вреда может стать необходимой в связи с реализацией права на восстановление нарушенных прав кредитора в наиболее короткие сроки.

Специфичность обязанности по возмещению вреда состоит в ее ориентации на имущественную сферу должника, а не на его личность. С другой стороны, в соответствии с одним из основополагающих принципов гражданского законодательства о беспрепятственности осуществления гражданских прав, закон не должен запрещать потерпевшему распоряжаться принадлежащим ему правом требования к должнику по своему усмотрению. Тем более что гражданское законодательство не имеет специальных норм, которые могли бы ограничивать передачу кредитором другому лицу своего права требования возмещения вреда, причиненного имуществу.

Необходимо, чтобы вмешательство в имущественную сферу должника осуществлялось в рамках закона, не менялась юридическая характеристика его обязанности, а также ее объем и содержание. В таком ключе вопрос о потенциальной возможности передачи права требования возмещения вреда должен быть решен в пользу ее допустимости.

Исключения из общего правила о возможности уступки права требования могут быть установлены только в случаях, предусмотренных законом.

Таким образом, можно констатировать, что возможность совершения уступки права требования является общим правилом, а случаи запретов представляют собой исключения. К примеру, закон категорически запрещает уступку права требования, если оно неразрывно связано с личностью кредитора, к ним непосредственно ст. 383 ГК РФ относит требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью.

Одним из общих признаков требований, передача которых запрещена, как утверждают некоторые авторы, является направленность требования на получение денежных средств для сохранения или восстановления прежнего жизненного уровня гражданина.

Другие авторы предлагают выдвинуть основным критерием в данном случае связь цели установления обязательства с его субъектным составом. Таким образом, о невозможности уступки можно вести речь только в случаях, когда замена лица на стороне кредитора приведет к результату, кардинально отличному от преследуемого при установлении обязательства.

При принятии всевозможных ограничений, подобных указанным в ст. 383 ГК РФ, законодатель обеспечивает надлежащую защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, на наш взгляд, при совместном использовании обоих критериев можно будет наиболее четко определить основания непопустительности перехода прав требования.

Кроме требований, указанных в ст. 383 ГК РФ, уступка права требования может ограничиваться по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника. В данном случае уступаемость требования претерпевает ограничение в силу интересов кредитора, в связи с чем единственным условием ее вероятного допущения является одобрение самим должником (п. 2 ст. 388 ГК РФ).

Для проблем, связанных с возможностью перемены лиц в обязательстве вследствие причинения вреда, немаловажным является вопрос о переводе обязанности по возмещению вреда, иначе говоря, о переводе долга. Круг долгов, который может быть предметом перевода,

не ограничивается ГК РФ потому, что перевод долга не может реализоваться без одобрения самого кредитора. В связи с тем, что для замены должника кредитор должен дать свое согласие, напрашивается вывод о возможной допустимости перевода любого долга по любому обязательству. Нарушает ли перевод долга права кредитора или нет, в каждом конкретном случае должен решать сам кредитор самостоятельно. В литературе отмечается, что перевод долга следует ограничивать от перевода ответственности, так как если первый случай допустим, то во втором случае это недопустимо. Решительность данного заявления может быть оспорена вышеизложенными доводами по поводу возможности уступки права требования о возмещении вреда. На наш взгляд, А.А. Попов совершенно правильно отмечает, что в хозяйственном обороте целью принудительных мер воздействия, как правило, является не наказание личности должника за допущенное нарушение, а восстановление материального положения кредитора, следовательно, переход обязанности по компенсации причиненного вреда не следует рассматривать как нарушение основных функций правового института ответственности [2].

Следовательно, на вопрос о возможности применения общих положений обязательственного права к перемене субъектного состава в обязательстве вследствие причинения вреда в результате перехода прав (обязанностей) можно дать положительный ответ.

Подводя итог, необходимо отметить, что теоретическое уяснение норм, регулирующих гражданские правоотношения, помогло прийти к выводу, что обязательство вследствие причинения вреда обладает следующими чертами:

- 1) появляется в результате нарушения абсолютных прав;
- 2) имеет внедоговорный характер;
- 3) в пределах этого обязательства осуществляется регулирование общественных отношений в их нарушенном состоянии;
- 4) целью обязательства является полное восстановление нарушенных прав или благ;
- 5) как правило, является простым односторонним обязательством.

При этом исполнение, изменение и прекращение обязательства вследствие причине-

ния вреда подчиняются общим правилам, за исключениями, обусловленными спецификой правоотношений по возмещению вреда.

в обязательстве / А. А. Попов // Право и экономика. – 2001. – № 8. – С. 25–31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории) / С. Н. Братусь. – М. : Юрид. лит., 1997. – 215 с.
2. Попов, А. А. Размер имущественной ответственности предпринимателя при перемене лиц

REFERENCES

1. Bratus S.N. *Yuridicheskaya otvetstvennost i zakonnost (Ocherk teorii)* [Legal Liability and Legality]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1997. 215 p.
2. Popov A.A. Razmer imushchestvennoy otvetstvennosti predprinimatelya pri peremene lits v obyazatelstve [The Extent of Property Liability of the Entrepreneur Upon the Change of Persons in the Obligation]. *Pravo i ekonomika*, 2001, no. 8, pp. 25-31.

SPECIFIC FEATURES OF TORT LIABILITIES IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mineev Oleg Aleksandrovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Civil and International Private Law,
Volgograd State University,
Base Department of the Southern Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS)
oleg_min@mail.ru, gimchp@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the specific features of tort liabilities of the civil law of the Russian Federation. The author studies the regulations of the Civil Law of the Russian Federation with regard to the research of tort liability and proposes to amend the art. 1082 of the Civil Code of the Russian Federation. In his opinion, this will contribute to the quickest resolution of civil disputes relating to the compensation of damage under tort liabilities. On the basis of the analysis carried out in the article, the author concludes that the tort liabilities are characterized by specific features and the author notes that the execution, amendment and termination of tort liability is subjected to the general rules, with the exceptions determined by the legal relations on damage compensation.

Key words: civil legislation, civil legal relations, tort liabilities, conditional obligation, principle of real performance of obligation, change of persons in the obligation, assignment of claim.